





Размышления и дискуссии

В.С. Чесноков, Е.Е. Прокопенко

Пьер Тейяр де Шарден о человеке, ноосфере и космосе

«...После почти двухвековой страстной борьбы ни наука, ни вера не сумели ослабить одна другую. Но совсем даже напротив — становится очевидным, что они не могут развиваться одна без другой по той простой причине, что обе одушевлены одной и той же жизнью. В самом деле, ни в своем порыве, ни в своих истолкованиях наука не может выйти за пределы самой себя, не окрашиваясь мистикой и не заряжаясь верой»¹.

«Феномен человека». Автор труда — Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955). Французский ученый, гуманист, философ, палеонтолог и теолог, он внес значительный вклад в анализ проблемы происхождения человека. Феноменальной была его судьба, личность, гуманистическая и научная позиция, которые были спаяны в единый, неразъемный конгломерат. Еще при жизни Тейяра вокруг его имени шли горячие споры. Произведения этого выдающегося мыслителя и ученого вызывали и вызывают до сих пор самую противоположную реакцию. Однако как бы ни оценивали его мировоззрение, никто не отрицает, что личность Тейяра де Шардена — явление в высшей степени уникальное. Результаты его исследований, теософические и научные взгляды дают ответы на многие вопросы, волнующие и сегодня большинство мыслящих людей. Естествоис-

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.



Пьер Тейяр де Шарден в двухлетнем возрасте

пытатель и мистик, священник и философ, блестящий стилист и обаятельный человек, он будто был создан для того, чтобы стать властителем дум. Знание и вера, эволюция и грядущие судьбы нашего земного мира в космических просторах обретают в его работах органическое единство. Чтобы читателю было легче постичь особенности и корни тейярдизма, необходимо кратко описать жизненный путь ученого.

Биографический пролог

Он родился 1 мая 1881 г. в фермерской семье в местечке Сарсена, расположенном в центре Франции в горной провинции Овернь недалеко от города Клермон-Ферран. У Берты и Эммануэля Тейяр де Шарденов Пьер был четвертым ребенком из одиннадцати, и по материнской линии он был прямым потомком родной сестры Вольтера. Любовь к земному естеству, к тайнам природы, острое ощущение ее красоты и священности вместе со свободолобием мысли, очевидно, унаследованным от генетической ветви великого вольнодумца, давали о себе знать с ранних лет. Рассказывали, что в шесть лет он исчез из дому, чем до смерти перепугал родителей. Пьера с трудом



Фермерский дом Тейяр де Шарденов в Сарсена (провинция Аверн, Франция)

нашли на дороге, ведущей в горы. Причина поступка вполне соответствовала тому, что нам известно о характере взрослого де Шардена — путешественника и естествоиспытателя: мальчик шел «посмотреть, что находится внутри вулканов».

Одиннадцати лет Пьер поступил в коллеж Общества иезуитов, где ему были преподаны начала теологии, философии и естествознания, древние и новые языки. Здесь же он увлекся геологией и палеонтологией. Затем юноша продолжил свое образование в иезуитской семинарии на острове Джерси у северного побережья Франции. Окончив ее, какое-то время он преподавал физику и химию в иезуитском коллеже в Каире. Однако молодому ученому было тесно в рамках узкой специализации, его влекли широкие обобщения.

На тридцать третьем году жизни, в 1913 году, Пьер Тейяр де Шарден пришел в Институт палеонтологии при Национальном музее естественной истории в Париже, где работал под началом французского геолога и антрополога М.-П. Буля (1861–1942). Работы Тейяра в области палеонтологии тесно соприкасались с проблемой происхождения человека, и ученый постоянно возвращался к этой волновавшей его загадке. Дружба с аббатом Анри Брейлем (1877–1961), ведущим французским палеоархеологом, одним из пионеров исследования палеолитического искусства, помогла Тейяру встать на позиции эволюционной теории, христианского эволюционизма. Он не был первооткрывателем христианского трансформизма, а лишь углубил связь идеи развития с религиозной картиной возникновения мира.

В 1914 году разразилась Первая мировая война, и ученый-монах был мобилизован в армию в качестве санитаря. Фронтовая жизнь обогатила его опытом новых переживаний. Встречи с опасностями и смертью позволили ему почувствовать значительность и величие жизни. Он был романтиком в самом высоком и серьезном значении этого слова, чувствовал свою неразрывную связь с материей, страдал от ее разрушимости и непрочности, но находил высшее ее утверждение в пронизывающем природу Духе. Материя была для него не отвлеченным философским понятием, а живым материнским лоном. В 1920 году Тейяр получил докторскую степень, защитив в Сорбонне диссертацию на тему «Млекопитающие нижнего эоцена Франции», и стал профессором кафедры геологии в Католическом университете Парижа. Через три года он оставил преподавание ради большой экспедиции в Азию и долгие годы делил со своими спутниками трудности полевой жизни и работы. С 1923 по 1946 год Тейяр объехал Китай, Индию, Бирму, работал на Яве, а в 1931 году участвовал в



Пьер Тейяр де Шарден во время войны 1914—1918 гг.

так называемом автомобильном «Желтом круизе» по Центральной Азии, организованном Андре Ситроеном. Вдали от цивилизации, оставаясь лицом к лицу с полной таинственности очарования первозданной природой, с языческой красотой и безмолвием гор и пустынь, он изучал пути эволюции. Одним из главных орудий познания для него стал палеонтологический метод — изучение окаменелых останков древних организмов и их слепков, сохранившихся в земной коре с незапамятных времен. Диковинные существа жили в водах древнего Океана, умирали и опускались на океаническое дно, чтобы спустя десятки и сотни миллионов лет оказаться в руках исследователя и послужить его открытиям в области эволюции всего живого на Земле. Так, в упорном труде, за которым сле-



Пьер Тейяр де Шарден в одной из своих экспедиций

довали часы глубокого просветления, формировалось мировоззрение ученого.

Итогом этих путешествий стало расширение антропологического и геологического кругозора Пьера Тейяра де Шардена. К тому времени его уже считали одним из наиболее компетентных в палеоантропологии естествоиспытателей, внесшим значительный вклад в решение проблемы происхождения человека. Наиболее значительными были раскопки в Чжоукоудяне недалеко от Пекина. Здесь в пещерах одного из холмов, где производились горные разработки и изыскания, в 1929 г. Тейяр вместе с Пэй Вэнь-Чжуном и Д. Блэком открыл костные останки неизвестной до того формы ископаемого человека. Ему было дано название *синантроп*, от латинского *Sina*, — Китай и греческого *anthropos* — человек. Тейяр де Шарден первым сумел понять и оценить все значение этого открытия и то, насколько оно расширило го-

ризонты палеоантропологии. Исследователями были обнаружены многочисленные останки синантропов в сопровождении большого количества костей млекопитающих. В главном культурном горизонте содержались также многочисленные следы кострищ и примитивные каменные орудия. Большинство исследователей считают, что синантроп геохронологически является наиболее молодым среди архантропов², его абсолютный возраст составляет около 370 тыс. лет. По морфологическим особенностям черепного и костного строения синантропы близки к питекантропам³, но несколько превосходят их по объему мозга, имеют более высокий лоб и свод черепа. Судя по форме слепка мозговой полости, головной мозг синантропа обнаруживает явные черты примитивности, например, слабое развитие лобных долей, а некоторая асимметрия их позволяет предполагать у синантропа праворукость. находка синантропа позволила заполнить важный пробел в ряду ископаемых людей и показать, какими

путями (увеличение и усложнение мозга, овладение огнем и орудиями) шло развитие от предчеловеческой стадии к разумной.

Конкретные знания, полученные Тейяром в ходе многочисленных экспедиций, были использованы им при создании общей картины эволюционного процесса, интегрировавшей в себе естественнонаучные и гуманитарные сведения. Во-первых, в цепи современных представлений об антропогенезе ученым было восстановлено недостающее критическое звено между человекообезьяной и неандертальцем. Во-вторых, он предложил одно из самых смелых обобщений, учитывающих эволюционный принцип во взглядах на предысторию человека и его биосоциальную природу.

Своеобразие научной позиции де Шардена было неизбежным следствием его удивительной судьбы. Вся жизнь священника-ученого проходила между двумя полюсами: с одной стороны, активная обще-

² Архантроп — древний человек (от *arhaios* (греч.) — изначальный, древний).

³ *Pithekos* — обезьяна, *anthropos* — человек (греч.).



Перед потухшим вулканом Фонтале. Африка

ственная работа, путешествия, деятельность исследователя, с другой — мир духа, где монах-мистик предстоял Христу. «Оригинальность моего верования, — говорил Тейяр, — состоит в том, что корни его уходят в две области жизни, которые обычно считаются взаимоисключающими. По воспитанию и образованию я принадлежу к “детям Неба”, а по темпераменту и профессиональным знаниям я — “дети Земли”, между ними я не воздвигал никакой внутренней перегородки⁴. Другое его свидетельство: «В той мере, в какой вообще можно различить в своей мысли разные пути и способы постижения реальности, я остаюсь, прежде всего, на позиции естествоиспытателя, а не убежденного верующего»⁵. И еще одно: «Величайшим событием моей жизни было постепенное осознание двух солнц на небе моей души: одно из этих светил — космическая вершина, постулированная общей эволюцией сходящегося типа, другое светило — воскресший Иисус христианской веры»⁶. В своих работах, по мнению клерикальных кругов, Тейяр углубился в теоретические построения спорного характера. Его эволюционизм казался им слишком радикальным. Несмотря на то что он уже имел мировую известность и был избран членом Французской академии,

ему было запрещено заниматься преподаванием и печатать свои труды. Вдобавок ко всему руководство ордена иезуитов не позволило ему занять кафедру в Коллеж де Франс.

Конфликт длился до конца его дней. За год до смерти он записал в свой блокнот слова французского писателя Жоржа Бернаноса (1888—1948): «Все приключения в области духа — это Голгофа». Несколько раз он просил разрешить публикацию своего главного труда «Феномен человека», но получал отказ. Тейяру было достаточно выйти из Общества Иисусова, и он смог бы свободно печататься и преподавать. Но уйти из церкви Тейяр де Шарден не мог. Это было невозможно хотя бы потому, что в его миропонимании она была центральным элементом эволюции ноосферы. В 1951 году его пригласили возглавить антропологические исследования в Южной Африке. В то время он уже жил в Нью-Йорке, где в 1955-м, в возрасте 74 лет, умер от сердечного приступа. После его смерти была создана комиссия, опубликовавшая наследие Тейяра в 10 томах. Членами комиссии были многие его друзья, в том числе такие выдающиеся ученые, как А. Брейль, А. Тойнби, Дж. Хаксли и др.

⁴ Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 1992. С. 137.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ T. de Chardin P. L' Etoffe de l'Univers. 1983. P. 5.



Священник Пьер Гейяр де Шарден

Двойная жизнь универсума

Сущность учения Тейяра де Шардена выражена в названии его главного и обобщающего труда «Феномен человека», в котором стержень эволюции представлен в виде схемы «преджизнь — жизнь — мысль — сверхжизнь» (предбиосфера — биосфера — ноосфера — точка Омега). Как католический мыслитель он стремился переосмыслить христианское учение в русле современной ему науки, в основном эволюционного учения. Книга «Феномен человека» была написана во время пребывания ученого в Китае перед Второй мировой войной. Он редактировал и перерабатывал эту книгу почти десять лет, вплоть до 1948 года. В ней пульсирует трепещущее и текущее бытие Вселенной. Когда он говорит о Древе Жизни, то реальность этого исполинского чуда, поднимающегося из темных недр материи к свету Духа, ощущается почти физически. Это совершенство художественной формы ставит Тейяра в один ряд с такими выдающимися мыслителями — мастерами слова, как Платон, А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Вл. Соловьев, М. Пришвин. Мир для Тейяра — живой организм, пронизанный божеством и устремленный к совершенству. Воплощением этого тяготения является эволюция Вселенной, на вершине которой стоит человек. У корней эволюции он видит творческие силы, которые как бы свернуты и постепенно разворачиваются в ходе развития. Но когда в лице человека эволюция достигает критической точки, начинается объединение, конвергенция: мир устремляется к высшему синтезу: «...тогда-то и наступит, — пишет он, — для Духа Земли финал и увенчание». Так Тейяр видит то, что мы с суевренным ужасом называем Концом света и о чем читаем в Откровении святого Иоанна Богослова: «...и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свернувшись, как свиток...» Но Тейяр по-другому оценивает результат великого Конца: «Конец света — внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности»⁷.

При рассмотрении структуры материи Тейяр последовательно идет к панпсихизму — воззрению, утверждающему одушевленность всего сущего. Взяв за отправную точку человека, обладающего «внутренним» миром, он делает вполне логичный вывод о наличии подобной внутренней стороны у животных и растений и даже у объектов неживой природы. По его мнению, ткань универсума двусто-

ронная по своей структуре, то есть у материальных объектов имеется не только внешнее, по Тейяру, «ткань универсума», но и сопряженное ему нечто «внутреннее вещей». Таким образом, даже у элементарных частиц под первичным механическим слоем следует представить себе до крайности тонкий, но абсолютно необходимый для объяснения состояния Космоса в последующие времена «биологический» слой. Основой внутреннего начала Тейяр считает «радиальную» энергию, которая влечет материю по пути усложнения к апогею возникновения жизни и человека в ней. Сознание (внутреннее) тем совершеннее, чем сложнее и высокоорганизованнее материальное строение (внешнее), которое заложено в его основе. Обе энергии (физическая и психическая) находятся соответственно на внешней и внутренней сторонах мира и выглядят в целом одинаково. Однако они постоянно соединены и некоторым образом переходят друг в друга. Эволюция выступает здесь как естественноисторический процесс усложнения материи, поэтому стадию неживой материи Тейяр называет «преджизнью».

Рождение Человека

Геологи и геофизики первостепенное значение придают периодическим явлениям: земная кора поднимается и опускается, моря наступают и отступают, горы растут и сравниваются с долинами. Но Земля когда-то должна была иметь начало, — она родилась, развивается в течение сотен миллионов лет, и несомненно когда-то впереди ее ожидает смерть. Поэтому, говорит Тейяр, вокруг нас должен происходить более глубокий, чем пульсация, выражаемая в геологических эпохах, непериодический совокупный процесс, определяющий целостную эволюцию планеты как нечто необратимое и непрерывное. На этой линии глубинного подъема и должен быть помещен феномен жизни. «Достоин гибели все то, что существует», — говорили древние греки. Ясно, что где-то во мраке грядущих времен человечество прекратит свое существование и что вечный поток движения Вселенной в конце концов уничтожит все следы человеческой культуры. Сама Земля будет когда-нибудь развеяна в пыль космических просторов, включившись в вечный круговорот мировой материи. Это далекая и почти безразличная для нас перспектива. Прежде чем это произойдет, протекут сотни миллионов лет, народятся и сойдут в могилу миллионы поколений. Но неумолимо надвигается время, когда мыслящий дух на Земле угаснет, чтобы возродиться в другом месте бесконечного Космоса.

⁷ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 225.

Структура нашей планеты в виде сфер (литосфера, гидросфера, атмосфера) послужила отправной точкой для геохимического развития, происходившего в двух направлениях: кристаллизации и полимеризации. Из кристаллизации растворов и расплавов возникло все богатое разнообразие минерального мира. В ходе этого процесса постоянно выделялась свободная энергия, которая приобрела способность материализоваться в синтезе, то есть физически воплощаться с поглощением тепла. В результате образовались органические молекулы, способные к полимеризации, благодаря которой они становились все более сложными и крупными. Таким образом, Земля изначально, врожденно неслла в себе преджизнь, и постепенно появилось новое неделимое — предбиосфера. Сущность эволюционных представлений Тейяра образно выражает картина биосферы как сферы в пространстве и одновременно как спирали в пространстве-времени, т.е. как сочетание кольцевого и поступательного движения во «вздымающуюся спираль». От беспредельно простирающейся преджизни усложнение росло в геометрической прогрессии, до одноклеточных и далее ко все более высокоразвитым многоклеточным, полагал Тейяр.

Жизнь начинается с клетки, именно здесь скрывается секрет связи мира физики и мира биологии. На уровне одноклеточных существ нет четкой грани между животными и растениями; на уровне очень крупных молекулярных соединений исчезает определенный барьер между «живой» протоплазмой и «мертвыми» белками. Вероятно, очень трудно будет найти материальные следы того, как проявляется микроскопическое из молекулярного, органическое из химического, живое из предживого. В биологическом пространстве-времени введение дополнительного морфологического члена или стадии должно выражаться в соответствующем продлении оси длительности. Например, между зонами молекулярного и клеточного уровня вклинивается зона мегамолекулярного, на котором расположились белки — основа живого. Открытие вирусов и иных подобных образований вынуждает нас включить в ряд веков, составляющих прошлое нашей планеты, эру «субживого». Сколько времени понадобилось для того, чтобы на Земле обосновался мегамолекулярный мир? Вероятно, для образования на земной поверхности белков (мегамолекул) потребовалось больше времени, чем длились многие геологические периоды. Так углубляется бездна прошлого, которую нам хочется сократить, тогда как наука заставляет нас своими открытиями все больше ее растягивать. Сама клетка продолжает оставаться для нас столь же загадочной, столь же секретной, как и раньше. Как

и все другое, клетка может быть более глубоко понята лишь тогда, когда она сумеет занять свое место между прошлым и будущим в линии эволюции. С точки зрения биологии существенное своеобразие клетки заключается в том, что ею найден новый способ превращать в единое целое большую массу материи посредством деления клеток. Так природа избавляется от молекулярной неустойчивости и от структурных трудностей. Этот процесс послужил орудием прогресса и завоевания. Жизнь приобретает силу и масштаб экспансии. Движение ее характеризуется изобилием, изобретательностью и безразличием к индивидам. Размножаясь в бесчисленности, она делает себя неуязвимой для наносимых ей ударов. Живое увеличивает свои шансы выжить и одновременно умножает свои шансы на продвижение вперед.

В природе нет ничего более деликатного и минометного, чем начало. Везде — в культуре, лингвистике, биологии — время, как резинка в руках художника, стирает каждую бледную линию в рисунке жизни. Так и происхождение человека. Э. Геккель называл вопрос о происхождении человека «вопросом всех вопросов». В создании теории о происхождении человека от обезьяны приоритет, несомненно, принадлежит К. Фогту, который с большой основательностью произвел сравнение анатомии (прежде всего мозга) обезьяны и человека, установив некогда существовавшую переходную форму между приматами и *Homo sapiens*. Свое обобщение К. Фогт выразил формулой: «Телом — человек, умом — обезьяна», получается то же самое, что вложено Э. Геккелем в слова «обезьяночеловек не говорящий». Сегодня мы, пожалуй, сказали бы это другими словами: морфологически — человек, по физиологии же высшей нервной системы — на уровне первой сигнальной системы.

Человек вошел в мир бесшумно, столь тихо, что, когда мы начали его замечать по неистираемым следам каменных орудий, выдающих его присутствие, он уже захватил весь Старый свет. Он уже добывает огонь, говорит и живет группами.

Из известных нам двух ископаемых представителей нижнечетвертичного человека остановимся на питекантропе с Явы и синантропе из Китая. По своей анатомии оба уже приняли определенно человеческие формы, стояние на двух ногах освободило передние конечности. Синантропы обтесывали камни и добывали огонь. Около 60 тысяч лет назад они исчезли, поверхность Земли заняли неандертальцы, у которых разносторонне развит мозг и имеются неоспоримые случаи захоронений. Поверх неандертальцев оказывается *Homo sapiens*, который, подгоняемый климатом или душевным беспокойством, совершил внезапное нашествие. Его

юная мысль уже запечатлевается на стенах пещер. У художников того отдаленного прошлого мы обнаруживаем наблюдательность, воображение, радость созидания — эти цветы сознания, способного не просто размышлять, а прекрасно размышлять о самом себе. Но, как отмечал В.И. Вернадский, «Homo sapiens не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее, которые имели менее совершенный мыслительный аппарат, чем его, и будут иметь более совершенный, чем он имеет»⁸.

В антропологических исследованиях не обходилось без курьезов, связанных с именем Тейяра де Шардена. Б.Ф. Поршнев⁹ приводит интересную историю о Пильтдаунской подделке, совершенной якобы юным иезуитом, проживавшим в те годы в Суссексе. Речь идет о костях «эоантропа» («человека зари»), обнаруженных в карьере в Пильтдауне в Англии в 1909—1912 гг. История науки знает много фальшивок, но эта занимает ни с чем не сравнимое место.

Она была совершенно бескорыстной и необычайно умной. Некто составил «пильтдаунского человека» из мозговой части черепа настоящего человека и нижней челюсти шимпанзе. Древнейший обитатель Англии (первый англичанин) еще питался как обезьяна, но уже мыслил как человек! Трансформация обезьяны в человека началась с ума, а не с телесной морфологии. В этой истории настораживает внимание компетентность автора «открытия» в геологии и сравнительной анатомии, а еще более — глубина философского замысла. Между обезьяной и человеком не может быть ничего: лишь чудо зарождения и развития человеческого духа в обезьяньем теле. Подделка была разоблачена лишь 50 лет спустя.

С появлением человека наряду с биосферой начинает возникать и ноосфера. Это понятие было введено Э. Леруа (1870—1954), французским математиком, палеонтологом и антропологом, и П.Т. де Шарденом в 1927—1928 гг. под влиянием идей В.И. Вернадского. Оба слушали в Сорбон-



Пьер Тейяр: ученый и монах-иезуит

не курс лекций нашего ученого по геохимии и хорошо были знакомы с его идеями. Не В.И. Вернадский ввел в науку такие термины, как геохимия, биосфера, ноосфера, но его заслуга состояла в том, что он наполнил их богатым и глубоким научным содержанием. Сам термин «ноосфера» впервые появился в отечественной научной литературе в 1931 году в статье В.И. Вернадского «Изучение явлений жизни и новая физика». Критерием для выделения основного ствола эволюции, ведущего к человеку и ноосфере, послужило то, что американский геолог, минералог и биолог Дж. Дана (1813—1895) называл цефализацией, то есть возрастающим с ходом геологического времени усложнением нервной системы и головного мозга. Дж. Дана пришел к этой мысли, к этому пониманию эволюции живой природы, принимая участие в кругосветной экспедиции Ч. Уилкса (1836—1842), окончательно доказавшей существование Антарктиды. На научные выводы Дж. Дана не обратили внимания Ч. Дарвин и эволюционисты, хотя с Ч. Дарвином Дж. Дана со-

⁸ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 357.

⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 97.



Синантроп. Реконструкция М.М. Герасимова

стоял в дружеской переписке. Тейяр, соглашаясь с Дж. Дана и основываясь на данных палеонтологов, считал, что от пласта к пласту нервная система и мозг постоянно развиваются путем крупных скачков. Это придает эволюции направленность, а мозг становится указателем и мерой сознания. По своей анатомии человек мало отличается от человекообразной обезьяны (одно семейство гоминоидных). Однако Тейяр хорошо видел ту пропасть, которая отделяет человека от всего остального мира, отмечая, что «ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни — в этом весь парадокс человека»¹⁰. Разумное существо, благодаря сосредоточенности на самом себе, становится способным развиваться в новой сфере, и тут рождается поистине новый мир: абстрактное мышление, логика, математика, изобретения, искусство, тревоги и мечтания, грезы и переживания любви. Вся эта деятельность — возбуждение вновь образованного центра. Обладание разумом дает человеку коренной перевес над всей предшествовавшей жизнью. Разумеется, что животное также *знает*, но, безусловно, оно не знает о своем знании, иначе оно бы давно умножило изобретательность. Перед ним закрыта та область реальности, в которой развивается человек. Мозг смог увеличиться лишь благодаря прямой походке, освободившей руки, а возникновение разума связано с развитием не только нервной системы, но

и всего существа. Напротив, например, лошадь, олень или тигр одновременно с подъемом своего психизма частично стали, как и насекомые, пленниками орудий бега и добычи, в которые превратились их члены. Таков один из тупиков эволюции, к которым приводит узкая специализация организма.

«Что же такое эволюция — теория, система, гипотеза?.. — спрашивает Тейяр и сам же отвечает: — Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она — основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, — вот что такое эволюция»¹¹. По удачному выражению одного из создателей современной синтетической теории эволюции Дж. Хаксли (1887—1975), «человек есть не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя». Наше время — это не только вместилище лет, но и органическое (биологическое) время, измеряемое развитием живых существ, которые предстают перед нами «наподобие нитей, прядущихся в мировом процессе». Корни нашего существа погружены в бездонное прошлое, а впереди нас ожидает бездна будущего. После крупинки материи, первичной крупинки жизни образовалась, наконец, крупинка мысли. Появление мысли произошло, как минимум, между двумя индивидами в процессе трудовой деятельности (орудийной практики). С момента перехода порога мысли жизнь открыто выходит за рамки физиологии, и анатомию теперь требуется дополнять психологией.

Появление мысли на Земле биологически соответствовало «гоминизации» жизни, с нее начинается новая эра — Земля обретает душу. Как писал Э. Леруа, «два огромных факта, перед которыми все другие кажутся незначительными, доминируют в прошлой истории Земли, это — оживление материи и очеловечивание (гоминизация) жизни»¹². Гоминизация означает прогрессирующее одухотворение в человеческой цивилизации всех сил, содержащихся в животном царстве. Изменение биологического состояния, приведшее к пробуждению мысли, затрагивает саму жизнь, оно знаменует собой трансформацию всей планеты. Геогенез переходит в биоогенез, который в конечном счете есть не что иное, как психогенез, приведший к человеку. Культ прогресса все шире распаивает перед силами духа и свободы свои космогонические просторы. Теперь психогенез сменяется вначале зарождением, а затем и развитием Духа — ноогенезом.

¹⁰ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 135.

¹¹ Там же. С. 175.

¹² Roy E. Ie. Les origines humaines et l'évolution de l'intelligence. 111. La noosphere et l'homínisation. P., 1928. P. 47.

Только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера, новый покров, «мыслящий пласт», разворачивающийся над миром растений и животных, — вне биосферы и над ней, полагал Тейяр¹³. Ноосфера у Тейяра находится «вне биосферы и над ней», но не буквально, конечно, а в эволюционном ряду. Покров ноосферы тклет и развертывает Дух.

В общем ходе гуманизации за последнее столетие Тейяр выделил два главных феномена: в лоне биосферы образовалась техносфера, стремящаяся выйти за ее пределы. Наука изменила во всех областях (от бесконечно малого до бесконечно большого и безгранично сложного) наше общее миропонимание и нашу общую способность действовать. И какому-нибудь инопланетянину, способному анализировать физически и психически небесные эманиции, первой особенностью нашей планеты покажется уже не синева ее морей и океанов или зелень ее лесов, а фосфоресценция мысли. Если сознание проявляется в человеке, то, обнаруживаемое в этой единичной вспышке, оно имеет космическое распространение и как таковое окружено ореолом, беспредельно продлевающим его во времени и пространстве, считал Тейяр.

На протяжении нескольких последних поколений вокруг нас образовались всякого рода экономические и культурные связи, увеличивающиеся в геометрической прогрессии.

Как однажды с присущей ему интуицией сказал Анри Брей, «мы только что опустили последние канаты, которые еще удерживали нас в неолите». Парадоксальная, но яркая формула! Рост населения продолжает приводить к сокращению свободных территорий, столкновению различных общностей, к уменьшению амплитуды свободных перемещений в пределах планеты. С появлением мышления у человека начала возникать и расти тревога при столкновении с микро- и макрокосмосом. Перед лицом космических громад проявляется чувство подавленности и растерянности, неуверенности в надлежащем исходе открытой человеком эволюции. Поднявшись до человека, не остановился ли мир в своем развитии? А если мы еще движемся, то не находимся ли накануне падения? Где и как искать ответы? «Человек не является центром мира, во что он верил в течение долгого времени. Он — ось и вершина развития, и это намного прекраснее»¹⁴, — отмечал Тейяр.

В молекуле заключено гораздо больше, чем в атоме, в клетке — больше, чем в молекуле, и аналогично физическому состоянию мира, в социальном — больше, чем в индивидуальном. На каждой

последующей ступени комбинации выступает нечто, не сводимое к отдельным элементам. И потому в предстоящие периоды эволюции человечества его духовный прогресс все чаще представляется нам существующим в иной, коллективной форме. Мы страдаем и беспокоимся, замечая, что нынешние попытки объединения человечества, вопреки предвидениям теории и нашим ожиданиям, приводят лишь к упадку и к порабощению сознаний. Но какой до сих пор избирался путь для единения? Защита материального положения или создание новой отрасли промышленности. Вот та единственная и сомнительная почва, на которой мы до сих пор пытались сблизиться, подчеркивал Тейяр. Наука как духовный и творческий процесс — фактически единственный выход, открытый для избытка сил, постоянно высвобождаемых техникой. Когда люди посвятят свою жизнь умножению познаний, а не накоплению имущества, для них минует опасность столкнуться с материальными границами в своем развитии. Если мы идем к человеческой эре науки, то эта эра будет в высшей степени принадлежать науке о человеке, считал Тейяр. Познающий заметит, что человек как предмет познания есть ключ ко всей науке о природе вообще. Мы должны открыть космические корни и специфическую природу человечества, определяемого как коллективное сознание. Наша планета «не только покрывается мириадами крупинки мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе»¹⁵. В космической среде, где первенство все еще отводится механике и случаю, мысль — этот грозный феномен, революционизировавший планету и меряющийся силами с миром, — все еще представляется необъяснимой аномалией. Если у человечества есть будущее, полагал Тейяр, то оно может быть представлено в виде какого-то гармоничного примирения свободы с планированием и объединением в целостность. Геодемография, геотехника, геознергетика, геэкономика, геополитика, организация научных исследований, перерастающая в рациональную организацию планеты. «С точки зрения мира и истины имеется абсолютная обязанность исследований»¹⁶.

«Одушевленные одной и той же жизнью...»

Последние поколения только и слышали, что о конфликте между религиозной верой и наукой. Казалось даже, что вторая должна решитель-

¹³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 148—149.

¹⁴ T. de Chardin P. Der Mensch im Kosmos. München, 1959. S. 9.

¹⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 199.

¹⁶ T. de Chardin P. Le prêtre. 1918. P. 9.

но заменить первую. Но по мере продолжения напряженности становится очевидным, что конфликт должен разрешиться, по мнению Тейяра, в совершенно иной форме — не путем устранения или сохранения двойственности, а путем синтеза. Во взаимном усилении разума и мистики развивающемуся человеческому духу предназначено найти высшую ступень своей жизненной силы и проницательности¹⁷. Народы достигли такой степени взаимозависимости, что урегулирование международных конфликтов путем исправления границ или превращение в развлекательный «досуг» высвободившейся активности людей должно уйти в прошлое. Нам не хватает новой области психической экспансии, которая как раз находится перед нами, если мы поднимем глаза в космические просторы. «Человечество обретет свою космическую сущность лишь в том случае, если его жизнедеятельность будет в основном связана с Космосом, когда значительная часть производственной деятельности развернется за пределами планеты-колыбели. Причем это интенсивное производство (преимущественно индустриальное) по своей природе станет не только автотрофным, не зависящим от биосферы Земли, но и максимально экологизированным, обеспечивающим коэволюцию общества и Космоса. Созидание космического общества, в котором будет достигнута высшая степень автотрофности, окажется вместе с тем и автотрофной цивилизацией... Цивилизация достигает своей автотрофности в той мере, в какой она овладевает вездными пространствами и ресурсами»¹⁸.

Экстраполируя от прошлого к будущему, Тейяр предвидел перерастание «феномена человека» в «феномен человечества», который в конечном счете сделает реальным преодоление всех перегородок между людьми. В перспективах ноогенеза пространство и время действительно очеловечиваются, или скорее сверхчеловечиваются, продолжает Тейяр. Отнюдь не исключая друг друга, универсум и личное возрастают в одном и том же направлении и достигают кульминации друг в друге одновременно. Процесс человеческой конвергенции стремится к некоему конечному состоянию, которое Тейяр называл точкой Омега. В точке Омега универсум — будущее — может быть лишь сверхличностью. В Омеге суммируется и собирается в своем совершенстве и в своей целостности большее количество сознания, постепенно выделяемого на Земле ноогенезом. Омега находится вне времени, это начало надмирное, действующее в самой глубине мыслящей массы. Омега — это конец све-

та, где достигшее совершенства сознание отделяется от своей материальной матрицы. «Конец света — переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность своей силой покоиться в Боге-Омеге»¹⁹. Омега — это Бог, который сокровенно пронизал мир своей силой, вытянул его в гигантское Древо Жизни и приближает к своему бытию, стягивая к себе сознательные частицы Вселенной для их сверхсинтеза. Таким образом, ноосфера у Тейяра выступает в качестве надматериальной основы, создающей Бога-Омегу как венец всей эволюции. Тейяр увидел новое жизненное проявление человечества в сотворении Бога-Омеги, в котором человечество в конечном итоге воплощается и исчезает. Бог у него создается человечеством в конце эволюции, а не в ее начале, то есть Тейяр наделяет человечество богосозидающей силой, оно — могучая космическая организация. Как видно из изложенного, мистический принцип Омеги Тейяра не совпадает с объяснением эволюции с позиций современного естествознания.

Человечество: камо грядеши?

Природа ноосферы такова, что сама по себе она не может войти ни в социальную, ни в индивидуальную жизнь, иначе как под влиянием центра Омеги. Сумеет ли однажды жизнь преодолеть стены своей земной тюрьмы или, найдя способ захватить другие необитаемые небесные тела, установить сквозь пространство психическую связь с другими очагами сознания? Но ведь организм человека столь сложен и чувствителен и так приспособлен к земным условиям, что трудно себе представить, как он сможет адаптироваться на других небесных телах. Для решения этих проблем на нашей планете сегодня осуществляются проекты создания космических биосфер²⁰. Учитывая необъятность космических просторов, так же неясно, каким образом в двух различных областях космоса разумные существа могли бы сосуществовать и совпадать сравнимыми фазами своего развития.

Сущность взаимосвязи земной и космических цивилизаций заключается в ответе на вопрос, кто мы такие, откуда мы пришли и куда стремимся. Наши глобальные проблемы могут быть рассматриваемы как часть проблемы общей судьбы космических цивилизаций. При этом имеет место законный вопрос: насколько типичной явля-

¹⁷ См.: *T. de Chardin P. La Mystique de la Science. 1939.*

¹⁸ *Урсул А. Космические перспективы автотрофности человечества // Общественные науки и современность. № 3, 1995. С. 139.*

¹⁹ *Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 225.*

²⁰ *Аллен Дж., Нельсон М. Космические биосферы. М., 1991.*

ется космическая цивилизация, которая возникла и существует на планете номер 3 одного желтого карлика (одной из звезд спектрального класса G 2) в одном из уголков одной из галактик (имеется в виду наше Солнце и наша Земля)?²¹ При вероятной встрече космических цивилизаций появится возможность обменяться опытом, предостеречь братьев по разуму от возникающих на путях их развития опасностей беспочвенных иллюзий и надежд. Экстраполировать развитие человека и гоминизации, по Тейяру, следует по пути непрерывного прогресса. Через социализацию человека продолжает свой ход ось космического вихря интериоризации, которая сменяет и продолжает первенство жизни в универсуме и первенство мышления в жизни. В человеке сосредоточены надежды на будущность ноогенеза, то есть в конечном счете космогенеза. Чем дальше, тем в большей степени человечество перестает быть послушной игрушкой внешних обстоятельств. Оно находит все более совершенные способы освобождать все более концентрированные запасы энергии, накопленные в других формах, кроме прямого солнечного излучения. Не устранит ли опасность гибели от холода космических пространств развитие производительной мощи человеческой цивилизации? Но в далеком будущем человечество может погибнуть не от холода, а от урагана мирового «пожара», зажигаемого мыслящим мозгом. Этот пожар в форме грандиозного космического взрыва и возвратит огненную молодость нашему мировому острову. Почему бы не предположить, писал Э.В. Ильенков²², что процесс концентрации энергии, излучаемой солнцами, совершается в Космосе при участии мыслящего духа, как одного из атрибутов мировой материи? Гибель мыслящего духа рисуется не как бессмысленный и бесплодный конец, но как акт по существу своему творческий, как прелюдия нового цикла жизни Вселенной. Смерть мыслящего духа становится тем самым его бессмертием. И когда-то вновь — в бесконечно далеком грядущем — новые существа, в которых природа разовьет мыслящий дух, будут — как и мы ныне — созерцать над небом их Земли звездные миры с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием некогда исчезнувшему Мыслящему Духу, его великой и прекрасной жертве.



²¹ Наан Г.И. К проблеме космических цивилизаций / Будущее науки. М., 1984. С. 268.

²² Ильенков Э.В. Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8. С. 4—7; № 9. С. 16—19.